

Неожиданные воины: новая решительная позиция Скандинавии

Роль скандинавских стран в войне в Украине оставалась в тени. Обычно их считают гармоничными и миролюбивыми государствами, однако они с готовностью присоединились к стороне войны, движимые чувством морального превосходства, которое отвергало любые компромиссы с Россией.

Стефано ди Лоренцо

срд 07 янв 2026

21 ноября бывший премьер-министр Финляндии Санна Марин, со ссылкой на недавно предложенный 28-пунктный мирный план для Украины, написала в X (орфография сохранена в оригинале):

"Мирный план" для Украины – это настоящая катастрофа не только для Украины и ее граждан, но и для всего демократического мира. Если мы повторим ошибки прошлого, такие как проявление слабости и невежества в 2014 году, когда Россия аннексировала Крым, нас ждут только новые агрессия и конфликты. Авторитарный менталитет понимает только силу и сдерживание."

БЫВШИЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ФИНЛЯНДИИ САННА МАРИН

Бескомпромиссная позиция, выраженная бывшим премьер-министром Финляндии, покинувшим свой пост в 2023 году, хорошо отражает отношение Финляндии и других стран Северной Европы к войне в Украине.

Марин и раньше любила занимать жесткую позицию. «Выход из конфликта заключается в том, чтобы Россия ушла из Украины. Это и есть выход из конфликта», — заявила Марин журналистам в 2022 году.

Финляндия положила конец восьми десятилетиям нейтралитета, присоединившись к НАТО весной 2023 года. НАТО приветствовала вступление Финляндии в альянс в 2023 году, а социальные сети НАТО регулярно публикуют восторженные сообщения о мифическом финском качестве *sisu*, особом финском слове, которое можно перевести как «выносливость» или «терпение», всегда в контексте эзистенциальной борьбы с Россией. Швеция также отказалась от нейтралитета, внешнеполитической позиции, которую она занимала на протяжении двух столетий, и присоединилась к НАТО в 2024 году.

В феврале этого года вновь избранный президент США Дональд Трамп обратился к президенту России Владимиру Путину с предложением провести первые из нескольких двусторонних переговоров между США и Россией. Для многих возобновление дипломатических отношений казалось перспективой мира для Украины. Однако Европа почувствовала себя оскорбленной и яростно отреагировала, отвергнув дипломатию как капитуляцию перед Россией. Премьер-министр Дании Метте Фредериксен в своем ярком заявлении сказала, что «для Украины мир может быть опаснее войны». Дания является одним из крупнейших поставщиков военной помощи Украине, выделив 10,5 миллиарда долларов, уступая только Германии и Великобритании, что является огромным вкладом, учитывая размер датской экономики.

От пацифистов к воинам

Десятилетиями страны Скандинавии считались стабильными, миролюбивыми государствами. Швеция сохраняла многовековую традицию нейтралитета. Дания и Норвегия были двумя из двенадцати основателей НАТО в 1949 году, но при этом демонстрировали образ сдержанной внешней политики и умение вести дипломатический баланс. «Ранее, до 2022 года, Норвегия проводила политику невысылки оружия странам, находящимся в состоянии войны (поскольку это обостряет конфликт и может сделать нас участниками), и наша страна выступала за дипломатию и переговоры как путь к миру», — отметил норвежский профессор и политолог Гленн Дизен в содержательном анализе под заголовком [«Как ориентированная на мир Норвегия научилась перестать волноваться и полюбила войну»](#). Норвегия выделила Украине 5 миллиардов долларов военной помощи — больше, чем Польша, страна с гораздо большим населением и более сильной традицией антироссийских настроений. «Норвегия отказалась от этих принципов и объединилась под новым девизом «оружие — путь к миру», при этом мы более трёх лет бойкотировали базовую дипломатию с Россией, в то время как сотни тысяч молодых людей гибли в окопах», — добавил Дизен, который в последние годы подвергался резкой критике в своей стране за то, что якобы продвигал «российскую пропаганду».

Финляндия технически не является частью Скандинавии, но из-за своей истории, культурной близости и географической непрерывности она часто включается в более широкую культурную и политическую зону Северной Скандинавии. Война в Украине привела к повторному появлению сильного антироссийского коллективного настроения, которое латентно пронизывало финское общество по крайней мере с момента советско-финской войны 1939 года. Stalin хотел обеспечить безопасность границы рядом с Санкт-Петербургом и потребовал от Финляндии территориальных уступок в ноябре 1939 года, почти через три месяца после того, как мир был потрясен жестоким нападением Германии на Польшу, которое положило начало Второй мировой войне. В конце концов Финляндия уступила 10 % своей территории Советскому Союзу, но оказалась сильным противником для Красной армии. Память и мифология Зимней войны до сих пор очень живы в Финляндии.

Как ни странно, до недавнего времени Финляндия считалась жизнеспособной моделью решения украинской проблемы, приемлемой для России. Финляндия вступила в союз с нацистской Германией, а после войны, вместо того чтобы присоединиться к одному из двух блоков в холодной войне, сохранила формальный нейтралитет. «Финляндизация» означала, что Финляндия сохраняла автономию, делая уступки интересам Советского Союза в области внешней политики, особенно

в отношении геополитических решений и безопасности. В контексте Украины некоторые аналитики предполагали, что «финляндизация» Украины могла бы стать выходом из ситуации — нейтральный статус между Россией и Западом, который устраивал бы Россию и позволял Украине сохранить свой суверенитет. Некоторое время это казалось правдоподобным компромиссом. Но после февраля 2022 года Финляндия, как и большая часть Европы, отвергла любую дипломатию с Россией и настояла на том, что решение войны в Украине будет найдено на поле боя в Украине. Финляндия направила Украине военную помощь на сумму 3 миллиарда долларов.

Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия вместе выделили Украине военную помощь на сумму 26 миллиардов долларов, что превышает сумму помощи от Германии, крупнейшего донора в Европе (около 20 миллиардов долларов), несмотря на то, что совокупное население этих стран составляет 27,6 миллиона человек, что менее трети населения Германии. Огромная доля расходов, приходящаяся на долю стран Северной Европы, часто упускается из виду в других западных странах, но в Скандинавии она не осталась незамеченной. В [недавнем интервью](#) министр иностранных дел Швеции предупредила, что страны Северной Европы не могут продолжать нести непропорционально большую долю расходов на поддержку Украины. «Несколько стран берут на себя почти всю нагрузку. Это несправедливо и в долгосрочной перспективе неустойчиво», — сказала она, добавив: «Тот факт, что страны Северной Европы с населением менее 30 миллионов человек обеспечивают треть военной поддержки, которую страны НАТО с населением почти 1 миллиард человек предоставляют в этом году... Это неустойчиво. Это ни в коем случае не разумно. И это много говорит о том, что делают страны Северной Европы, но еще больше говорит о том, что не делают другие».

Стенергارد утверждала, что использование замороженных российских активов будет единственным реалистичным способом обеспечить долгосрочное и более равномерное распределение бремени. Она также отметила, что с момента полномасштабного вторжения ЕС потратил на импорт российских энергоносителей больше, чем на помощь Украине.

Изменение позиции Скандинавии, пожалуй, наиболее ярко проявилось на последнем саммите Северных стран и Украины, который состоялся в Исландии в октябре этого года. Лидеры Северных стран выпустили [совместную декларацию](#), в которой подтвердили свою «непоколебимую приверженность суверенитету, территориальной целостности и безопасности Украины. Наша всесторонняя поддержка Украины является неизменной и будет продолжаться столько, сколько это необходимо». Лидеры Северных стран также довольно зловеще настаивали на том, что «будущее Украины — в НАТО». Мы будем продолжать поддерживать

Украину на ее необратимом пути к полной евроатлантической интеграции, включая членство в НАТО. Мы поддерживаем более активную роль НАТО в координации помощи и обучения в области безопасности и приветствуем создание программы НАТО по оказанию помощи и обучению Украины в области безопасности. Мы убеждены, что будущее членство Украины станет значительной добавленной стоимостью для Европейского союза и будет способствовать миру, стабильности и процветанию в Европе».

Лидеры Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии продемонстрировали тем самым поразительное непонимание структурных геополитических причин, приведших к братоубийственной войне в Украине.

Геополитический аспект

Геополитика — это не только абстрактные союзы и дипломатические договоры. Как следует из этимологии этого слова, геополитика должна тщательно учитывать суровые реалии физической географии и природных ресурсов.

В случае России и Европы немногие географические реалии имеют такое же стратегическое значение, как Датские проливы. Примерно 40 процентов российского морского экспорта нефти проходит через этот узкий морской коридор, соединяющий Балтийское море с Северным морем и мировыми рынками. География дала Дании влияние, намного превышающее размеры ее территории или численность населения: тот, кто эффективно контролирует проливы, имеет рычаг влияния на морскую безопасность в Балтийском море. Копенгагенский договор 1857 года отменил старые пошлины на проход через проливы и гарантировал беспошлинный транзит через датские воды, фактически сделав проливы международными для коммерческого судоходства.

Отношения между Россией и Данией уходят корнями в тысячелетнюю историю, которая была сформирована соперничеством, торговлей, династическими связями и взаимными стратегическими расчетами. В средневековый период датские короли и новгородские князья периодически вступали в конфликты из-за торговых путей в Балтийском море и влияния среди финских народов, но они также поддерживали периоды прагматичного сотрудничества. Роль Дании как державы в Балтийском и Северном морях сделала ее естественным партнером для России, доступ которой к Балтийскому морю исторически был неустойчивым и часто оспариваемым.

В начале Нового времени геополитическая траектория России неизбежно столкнулась с интересами Скандинавии. Великая Северная война (1700–1721) коренным образом изменила облик региона: победа России лишила Швецию

имперского статуса и сделала Санкт-Петербург балтийской столицей. Дания оставалась формальным союзником России против Швеции. В XIX веке Россия оказала Дании дипломатическую поддержку в вопросе Шлезвиг-Гольштейна, ценила Данию как консервативную монархию и потенциальный противовес Пруссии.

Более широкий скандинавский мир продемонстрировал аналогичную амбивалентность. Историческое соперничество Швеции с Россией было интенсивным, но после 1809 года, и особенно после 1814 года, Скандинавия постепенно усвоила концепцию «северного нейтралитета» — балансирующую позицию, призванную избежать вовлечения в конфликты великих держав, исходящие с Востока или Запада.

Эпоха холодной войны стала продолжением этой политики баланса, хотя Скандинавия явно была более ориентирована на Запад. Эпоха премьер-министра Олафа Пальме, который был премьер-министром Швеции с 1969 по 1986 год, до того как был убит зимней февральской ночью 1986 года, стала классическим примером попыток нормализации отношений как с Западом, так и с Советским Союзом. Финляндия также поддерживала прагматичные отношения с Советским Союзом.

Но с окончанием холодной войны наступила эпоха усиленного сотрудничества между НАТО и скандинавскими странами, которые сохраняли нейтралитет, даже если это не привело к немедленному членству в НАТО. Эта историческая траектория важна, поскольку она создаёт контекст для одного из самых загадочных и противоречивых эпизодов современной скандинавской геополитики — взрывов на «Северных потоках» в 2022 году. Здесь долгая история скандинавской осторожности, правового подхода и стратегической неопределенности внезапно сталкивается с современной, крайне рискованной дилеммой в области безопасности.

«Северные потоки» — важнейший маршрут для транспортировки российского газа в Германию по дну Балтийского моря — были серьёзно повреждены в результате того, что большинство наблюдателей считает преднамеренным актом саботажа. Последствия были немедленными и серьёзными: энергетическая структура Европы оказалась потрясённой, возросли экологические риски, а спекуляции относительно того, какое государство или его прокси могли осуществить такую дерзкую атаку, усилились.

Однако реакция стран Северной Европы была удивительно сдержанной. Швеция закрыла расследование в начале 2024 года, заявив, что у нее нет четкой юрисдикции и она не может доказать причастность Швеции или ее граждан. Дания

вскоре последовала ее примеру, признав, что взрывы были «умышленным саботажем», но заявив о недостаточности доказательств для возбуждения уголовного дела.

Эта коллективная сдержанность трудно согласуется с серьёзностью произошедшего инцидента. Взрывы произошли в международных водах, но внутри экономических зон Дании и Швеции. Они были направлены против ключевого элемента европейской энергетической инфраструктуры. И произошли в тот момент, когда северные страны кардинально переосмыслили свою стратегию безопасности, поддерживали Украину, вооружались и ставили Россию в ряд главных стратегических противников.

Результатом является парадокс, лежащий в основе политики безопасности стран Северной Европы. Эти государства готовы перевооружаться, брать на себя большую военную ответственность и даже рисковать эскалацией конфликта с Россией, но они колеблются, когда сталкиваются с актом саботажа, произошедшим в их собственном морском "дворе". Инцидент с «Северным потоком» обнажил ограниченность новой воинственной позиции региона: нежелание сталкиваться с некоторыми политически чувствительными вопросами, когда они слишком близко затрагивают интересы предполагаемых союзников.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Путин, Владимир Трамп, Дональд Марин, Санна Фредериксен, Метте Дизен, Гленн Пальме, Олаф Германия Советский Союз Швеция Украина Великобритания США Россия Финляндия Дания Норвегия НАТО